

Коган Леонид

18.11.99

Культура. — 1999-18-24 № 88, — с. 10

Народный артист в хорошем смысле слова

К 75-летию Леонида Когана

1934 год. Леня, ученик профессора Абрама Ильича Ямпольского, моего дяди, в особой детской группе при Московской государственной консерватории. Леня — мальчик в коротких штанишках с широко распахнутыми навстречу окружающему миру пытливыми, немного грустными глазами. Все интересно, все ново, но самое интересное и самое главное — это музыка, музыка, скрипка, из которой можно извлекать волшебные звуки. И всегда рядом мама, которая в нужный момент придет на помощь. Мама — нежная и заботливая. Их отношения были трогательны.

1937 год. Наших скрипачей, лауреатов Международного конкурса им. Э.Иззи в Брюсселе (Давид Ойстрах, Буся Гольдштейн, Елизавета Гильельс, Миша Фихтенгольц, Марина Козолупова вместе с профессором А.И.Ямпольским, членом жюри и руководителем группы наших скрипачей), мы встречаем на Белорусском вокзале. Предварительно зашли на бывший Арбатский рынок, чтобы купить цветы. Лене очень хотелось, чтобы от него были самые-самые красивые, а они, к сожалению, были и самые-самые дорогие, но в его глазах было такое... что маме — Софье Львовне, несмотря на их весьма скучные в то время материальные возможности, пришлось согласиться на покупку самых-самых красивых цветов, которые Леня и вручил привезшим музыкантам. Немного отойдя в сторону, он сказал мне очень тихо: "А я буду играть еще лучше". (Было ему тогда 13 лет).

В самом конце войны и первые послевоенные годы, когда Леня и его мать жили в квартире у Ямпольских, я имела возможность наблюдать его в домашней обстановке. У Лени были очень теплые и дружеские-доверительные отношения с Учителем (Абрамом Ильичом), которые сложились, когда мальчик был еще учеником ЦМШ. Эти отношения были лишены малейшей официальности, но и какой-либо фамильярности. Они основывались исключительно на глубоком взаимоуважении. А.И. очень близко к сердцу принимал все, что касалось Лени, радовался его малейшим удачам и очень переживал, когда у того были какие-либо осложнения. В квартире

Ямпольских было тесно. Хозяева — Татьяна Моисеевна и Абрам Ильич — в силу своей большой доброты давали приют и некоторым другим, тем, которые в нем очень нуждались в это трудное послевоенное время, но каждый обитатель квартиры имел возможность "работать", так и говорили — "работать". Все старались как можно меньше мешать друг другу, уважая труд каждого. Леня спал в "большой" комнате — гостиной, где Абрам Ильич занимался с учениками. Леня любил перед сном почитать. И как же не хотелось утром вставать... Почти каждый день приходила сестра Лени — Валя, веселая, жизнерадостная хохотушка, студентка-пианистка, безвременно ушедшая из жизни (после окончания консерватории). Она старалась помочь Софье Львовне и Лене, как и чем могла.

Всегда радостным событием для всей квартиры были известия с фронта от старшей сестры Лени — Таисии (врача).

Живя у Ямпольских, Леня много и с увлечением занимался. Разучивая произведение и находя что-то новое, интересное в его трактовке, он тут же спешил поделиться этим с Учителем. Он находил Абрама Ильича часто в столовой и даже в спальне, за рабочим столом, и они оба тут же начинали детальные обсуждения.

При подготовке к уроку или выступлению сероватая домашняя курточка Лени вдруг мелькала уже в другой комнате у телефона, занятия прерывались разговорами с друзьями (чаще всего это был Буся Гольдштейн). Эти паузы в занятиях очень огорчали Учителя, так как он считал, что телефонные разговоры отвлекают, на них уходит драгоценное время. Абрама Ильича очень беспокоило, что Леня много курит и этим вредит своему здоровью.

С юности Леню отличали наблюдательность и внимание к окружающим, умение сопереживать. После телефонных разговоров с товарищами он неоднократно огорченно говорил: "Опять у него неурядицы в семейной жизни. Это мешает ему работать..."

Теперь, через много лет оглядываясь назад, мне иногда кажется, что эти паузы — телефонные разговоры — ему были необ-

ходимы для "эмоциональной разрядки".

Тактичность и тонкость, способности Лени к сопереживанию я испытала и в отношении себя. Как-то я была очень огорчена. Он спросил: "Кто вас обидел?". Успокоился только тогда, когда я рассказала, в чем дело. Старался всячески ободрить меня (я огорчалась из-за того, что мне пришло изменить тему диссертации).

Когда Леня был студентом, ему частенько не хватало денег "от стипендии до стипендии". Он иногда брал у меня в долг небольшую сумму и отдавал в точно назначенный срок. Однажды он не смог этого сделать. За несколько дней он предупредил, что не сможет выполнить обещание и задержит долг еще на два-три дня. Было видно, что это ему неприятно.

Леня любил все прекрасное: живопись, природу. Любил читать. Очень любил технику и хорошо в ней разбирался. Эта лю-

бовь, как мне известно, осталась у него на всю жизнь. Очень хорошо "лечил" часы, даже старинные, настенные, висячие, в деревянном корпусе. Он относился к часам, как к живому организму.

Неоднократно говорил мне, что если бы он не был музыкантом, то обязательно выбрал бы себе техническую профессию. Он был скромен, неприхотлив. Казалось, довольно легко переносил трудности послевоенной жизни. Главной для него была работа.

Помню, как мы встретили известие о нашей Победе. Мы ликовали. Леня боялся отойти от радиоприемника, чтобы не пропустить передачи об этом Великом Дне.

Пятидесятые годы. Первая половина. Леня успешно преподает в кафедре Абрама Ильича Ямпольского в Московской консерватории.

Из письма Абраму Ильичу одного из его учеников: "Сейчас я нахожусь под огромным впечатлением от встречи с Леней и его иг-

ры. Как чудного мальчика, я любил его еще в Москве, но со временем его первого приезда в Киев полюбил как большого музыканта, каждый его приезд к нам — большой праздник. Так и в этот

приезд. Я не могу подобрать слова, какими можно было бы описать Вам, как он играл. Одно могу сказать: средства выражения у него настолько огромны и изложение настолько четкое и ясное, что его игра должна производить огромное впечатление не только на людей, искушенных в музыке, но и на людей, не понимающих ее.

Это истинно Народный Артист (в хорошем понимании этого слова!). Концерт Чайковского я, к сожалению, не слышал, ибо был занят,

но пришла жена с концерта в огромном ажуратаже и говорит, что такого Чайковского у скрипачей она еще не слышала. Короче говоря, поздравляю Вас с достойным преемником и продолжателем Вашей Школы. Я рад за него, что он в аспирантуре..."

Шестидесятые годы. Вторая половина. Леонид Борисович — народный артист Советского Союза. Музыкант с мировым именем.

Однажды, случайно, я была свидетелем такой сценки на улице. Леонид Борисович и Елизавета Григорьевна торопились на концерт в консерваторию. Им нужно было перейти на противоположную сторону улицы Герцена. В это время к Леониду подошла какая-то женщина и попросила объяснить, как пройти (или проехать) в нужное для нее место. Леонид Борисович остановился, внимательно ее выслушал, все объяснил. Она поблагодарила и пошла. А он, глядя вслед, махнул рукой и сказал: "По-моему, она ничего все-таки не поняла". Это было ему неприятно. И я подумала про себя: а ведь Леня все тот же.

Мария ПОЛОНСКАЯ